

Вечерние съемки целиком принадлежали Киноимператору Е, остальным же актерам отвели скромные роли живого фона. Однако подготовка массовки затянулась: режиссеру и продюсеру понадобилось несколько часов, чтобы выстроить кадр. Фан Дунсую, как и другим ученикам школы, оставалось лишь послушно выполнять указания режиссера, раз за разом проходя мизансцены.

По сюжету, едва вернувшись в родную обитель, Чжоу Я успел натворить немало бед. Из-за его выходок тяжело пострадали несколько старейшин, а другие школы боевых искусств прониклись к Вратам Цзянхун лишь презрением. Вне себя от ярости, глава секты потребовал сурово покарать смутьяна и с позором изгнать его прочь. В сегодняшней сцене Чжоу Я должен был предстать перед судом сородичей — гордым, непреклонным и верным своему высокомерию.

Е Ван, облаченный в глухую черную мантию, резко выделялся на фоне остальных. Он высился в самом центре площадки — статный, несломленный. Пальцы его рук, опущенных вдоль тела, сжались в кулаки с такой силой, что на бледной коже яростно вздулись вены. Фан Дунсую по роли достался образ старшего ученика, так что он стоял в первых рядах массовки, лицом к лицу с Е Ваном.

С близкого расстояния Дунсуй воочию видел, как Е Ван вдыхает жизнь в образ Чжоу Я — безумного бунтаря, чье величие граничило с гордыней. От его резких, ранящих душу реплик перехватывало дыхание. В полумраке декораций глаза Е Вана то загорались яростным пламенем, то угасали. Встретившись взглядом с главой школы, который жаждал его смерти, актер едва заметно, хищно усмехнулся. Словно выходец из преисподней, он кутался в глухой мрак своих одежд; его взор, полный тоски и яда, казалось, гасил слабые ночные огни.

Дунсуй невольно затаил дыхание, полностью растворяясь в чужой игре.

Такова была сама природа Чжоу Я: самовлюбленная, деспотичная, презирающая любые законы и авторитеты. Он привык смотреть на собратьев свысока. Стоило кому-то задеть его интересы, как он без тени сомнения платил сторицей. Никаких оправданий, никаких разбирательств — только скорая расправа.

Эгоизм ослепил его, оставив за плечами бесчисленное множество жертв. И даже теперь, перед лицом неминуемой кары, он не собирался склонять голову. В этот миг глава школы вскинул меч, и холодное стальное лезвие устремилось прямо к лицу Чжоу Я. Глаза Е Вана сузились. В самую последнюю секунду, когда острое было уже у самых глаз, копившаяся в нем ярость вырвалась наружу. Перехватив рукоять обеими руками, он рванулся навстречу удару, выплескивая всю боль и непокорство. Столкновение клинков прозвучало подобно громовому раскату.

— Ты погряз в грехах и убийствах. Тебе нет прощения.

— И пусть! — яростно выплюнул Чжоу Я. — Они презирали меня, они ненавидели! Я мог бы закрыть на это глаза, но глупцы не унимались. Они посчитали, что вправе решать, жить мне

или умереть. Вот их истинный грех! И ты ответишь за него вместе с ними!

Слова прозвучали со свинцовой тяжестью.

У стоявшего впереди Фан Дунсуя сердце готово было выпрыгнуть из груди. Перед его глазами словно ожил книжный Чжоу Я — со всклокоченными волосами, в разорванных одеждах, не знающий преград и законов. Безумная гордыня и величие этого персонажа воплотились наяву с пугающей точностью.

Однако, как бы ни был силен мятежник, под натиском толпы он слабеет. Глава школы наносит тяжелый удар, и Чжоу Я падает. В этот момент из рации доносится команда режиссера: перевести камеру на Пин Чжу.

Предстояло снять самый сложный длинный кадр без склеек: от застывшего взгляда Пин Чжу, полного ужаса при виде раненого названного брата, до выпадающего из ослабевших пальцев меча. Затем — стремительный рывок вперед и спасение Чжоу Я с помощью безупречного мастерства легкости. Режиссерская группа заметно нервничала — удержать динамику и плавность в одном непрерывном дубле всегда непросто.

Дунсуй прекрасно понимал всю ответственность и мысленно прокручивал сцену сотни раз. Пусть у него не было ни единой строчки диалога, именно его персонаж должен был совершить немыслимое — пойти против воли секты, быстро и решительно. В момент, когда рукоять его собственного меча коснулась земли, воздух вокруг Дунсуя словно сгустился от колоссального внутреннего напряжения.

Это был его первый опыт работы на тросах. Сцена требовала подхватить раненого Чжоу Я и, уходя от преследования, взмыть над каменной стеной декораций. Дунсуй сделал глубокий вдох и, в точности повторяя наставления каскадеров, плавно скользнул к Е Вану.

Он подхватил окровавленного спутника, крепко прижал к себе и сделал несколько стремительных шагов прямо по воздуху.

Свободные шелковые одежды красивой волной взметнулись ввысь, придавая полету неземную легкость. Тросы плавно перенесли двоих актеров через высокую каменную кладку. Сцена была завершена.

— Великолепно! Снято! — взволнованно прокричал в рупор режиссер Сюй.

Площадка облегченно выдохнула, и тут же раздались дружные аплодисменты.

По ту сторону стены к ним сразу же поспешили ассистенты, чтобы помочь освободиться от подвесной системы. Дунсуй шумно выдохнул и замер, приходя в себя; ему понадобилось несколько раз услышать свое имя от Е Вана, чтобы окончательно вынырнуть из образа. Все

еще тяжело дыша, юноша вдруг осознал, что они до сих пор стоят в обнимающей, слишком интимной позе. Смутившись, он поспешно убрал руки с талии мужчины и отступил на два шага назад.

Заметив это замешательство, Е Ван мягко улыбнулся и искренне произнес:

— Ты отлично справился.

Не ожидавший похвалы Дунсуй растерянно коснулся кончиков ушей.

— Ну что вы, у меня ведь даже слов не было. А вот вы, господин Е, сыграли просто безупречно. Какая глубина взгляда, какая подача текста... Неудивительно, что все получилось с первого дубля. Мне еще учиться и учиться у вас.

В его широко распахнутых глазах читалось такое искреннее, неподдельное восхищение, что они затмевали собой свет софитов. Е Ван, глядя на этот сияющий взгляд, ощутил, как внутри него разливается теплое самодовольство.

Едва техники отстегнули последние карабины, Е Ван сделал шаг навстречу юноше. Внимательно всмотревшись в его лицо, он слегка склонился к самому его уху и негромко прошептал:

— Летаешь ты тоже красиво.

Щеки Дунсуя мгновенно вспыхнули пунцовым румянцем. Он растерянно захлопал ресницами и выдавил из себя неловкий смешок.

Поди разбери — хвалит он его или просто дразнит.

К ним подошел Пу Сяоин и тихо спросил у актера, не пора ли ему в гримерку. На сегодня съемочный день подошел к концу. На часах был глубокий вечер, стрелки неумолимо приблизились к полуночи. Другие артисты уже поспешили смыть грим и разъехаться по номерам, и лишь эти двое продолжали стоять посреди пустеющей площадки.

Е Ван посмотрел на Дунсуя. Тот не уходил, лишь сиротливо переминался с ноги на ногу, прятал взгляд и покусывал губы, словно не решался заговорить первым. Эта робкая нерешительность показалась мужчине до того трогательной, что он не выдержал и прикрыл рот кулаком, сдерживая улыбку.

Стоявшие рядом ассистенты недоуменно переглянулись.

Справившись с весельем, Е Ван поймал растерянный взгляд юноши, и в его голове созрел

внезапный план.

Забрав у Пу Сяоин свой телефон, он хитро прищурился и мягко скомандовал:

— А ну-ка, закрой глаза.

— Зачем, господин Е? — окончательно запутался Дунсуй.

Мужчина окинул взглядом его гладкую, фарфоровую кожу и с лукавой усмешкой протянул:

— А если я задумал что-то плохое?

Дунсуй забавно сморщил нос.

В конце концов, Е Ван — солидный актер, да к тому же хороший знакомый его отца. Настоящей подлости от него ждать не приходилось, а вот глупых шуток — вполне. Неловко улыбнувшись, Дунсуй обреченно вздохнул:

— Раз так... то мне остается только смириться. Деваться-то некуда.

Е Ван негромко рассмеялся, явно довольный ответом:

— Вот и умница. Закрывай.

Дунсуй послушно зажмурился.

На лице мужчины отразилось неприкрытое торжество. Он быстро разблокировал экран и запустил приложение камеры.

Наблюдавший за этой сценой Пу Сяоин потрясенно уставился на своего подопечного:

— Вы что, фотографируете его?

Обладавший чутким слухом Дунсуй мгновенно распахнул глаза.

Ровно в эту секунду сработал экранный фонарик-вспышка, запечатлев его испуганное и застигнутое врасплох лицо во всех деталях. Забыв о всяком приличии, юноша подался вперед, пытаясь заглянуть в экран:

— Зачем вы меня сняли? Ну покажите же, господин Е, что там получилось...

Е Ван ловко убрал телефон в карман и ласково взъерошил ему волосы.

— Ночью сам все узнаешь.

«Ночью?» — мысленно изумился Дунсуй. — «Вообще-то уже за полночь перевалило!»

В груди у него заворчалось смутное беспокойство, но отбирать чужой телефон было верхом невоспитанности. Ему оставалось лишь тихо пробормотать:

— Надеюсь, это не какая-нибудь глупая шутка?

Мужчина хмыкнул:

— И что же такого предосудительного я могу сделать с твоим снимком, м?

Дунсуй не нашелся с ответом.

Зато стоявший рядом ассистент мысленно уже зашел в такие пикантные дебри фантазии, что его щеки запылали пуще прежнего. Он бросил на Е Вана многозначительный взгляд.

«Господи, почему я такой испорченный? Небеса, верните мне невинность сознания!»

Вернувшись в отель и наскоро приняв душ, Дунсуй растянулся на постели, но сон не шел. Загадочные слова Е Вана не давали ему покоя. Для чего может понадобиться фотография в такое время? Глубокая ночь на дворе, нормальные люди давно спят.

Он ворочался с боку на бок, то и дело включая экран телефона и проверяя чат с Е Ваном в надежде увидеть новое сообщение. Однако от того не было ни слуху ни духу. Вместо этого на экране высветился запрос на добавление в друзья от Тан Ли.

Тан Ли сегодня тоже играл в массовке и ушел в отель одним из первых. Неизвестно, у кого он ухитрился выведать контакты Дунсуя. Вспомнив утренний странный выпад этого парня, юноша сначала хотел проигнорировать запрос. Но, подумав о том, что им еще работать вместе бок о бок пару недель, решил не плодить бессмысленных конфликтов на пустом месте и нажал «Принять».

Ответ пришел незамедлительно.

[Тан Ли]

[Дунсуй, прости за утро. Был не в духе и брякнул глупость не подумав. Надеюсь, ты не держишь на меня зла? Я искренне прошу прощения. Давай я как-нибудь угощу тебя обедом в знак примирения?]

Дунсуй лишь скептически фыркнул.

«Не в духе он был, как же».

Перевернувшись на живот, он быстро набрал ответ.

[Фан Дунсуй]

[Все в порядке, не стоит]

[Тан Ли]

[Нет-нет, это обязательно! Я просто обязан извиниться лично. Нам ведь еще долго работать вместе, уверен, мы сможем стать отличными друзьями]

«Боже упаси», — тоскливо подумал Дунсуй.

[Фан Дунсуй]

[Уже поздно, ложись спать]

Но собеседник не унимался:

[Тан Ли]

[Спасибо за заботу! Буду считать, что мы помирились. Хорошего отдыха и до завтра! □]

Короткая переписка окончательно сбила весь сон. Поняв, что ответа от Е Вана он так просто не дождется, Дунсуй решил зайти в Weibo, чтобы немного отвлечься.

Он собирался зайти со своего тайного рабочего аккаунта, но спросонья промахнулся и авторизовался под официальным именем. Не успел он нажать кнопку выхода, как на телефон обрушилась лавина уведомлений. Как оказалось, у него не была настроена приватность, и его мог упомянуть любой желающий. Быстро переставив галочки в настройках, чтобы прекратить этот поток, Дунсуй из любопытства заглянул в список упоминаний.

Все дороги вели на личную страницу Киноимператора. Ничего не понимая, Дунсуй перешел по ссылке — и у него едва глаза на лоб не полезли.

[@Е Ван: Малыш слишком скромничает. [Изображение]]

Дунсуй ошарашенно подскочил на кровати. Не может быть! Е Ван действительно выложил его недавний снимок в открытый доступ!

В комментариях под постом уже бушевала буря, а сам виновник торжества даже соизволил ответить на несколько вопросов фанатов.

[Пользователь «Цидэлун Дундунцян»: Киноимператор Е, наш Суйсуй впервые снимается в кино, опыта у него маловато. Очень надеемся на ваше покровительство и заботу! □]

Дунсуй замер, не веря собственным глазам.

«С ума сойти! Это же моя фанатка! Как она умудрилась прибежать сюда быстрее, чем преданная армия самого Е Вана?!»

<http://bllate.org/book/18316/1972801>